

Анна Дмитренко

Жизнь и деятельность сщмч. Анатолия Жураковского (1897–1937)

Жизнь священномученика Анатолия Жураковского пришлось на особое время в истории России и Русской церкви. Рубеж XIX–XX веков отмечен религиозно-философским возрождением. Это было также время предсоборного движения в церкви, время духовного возрождения, плодом которого стало появление множества православных общин и братств. В это время идеи воцерковления жизни, совместной жизни по Евангелию, ответственного служения в церкви стали восприниматься не просто как важные, но как жизненно необходимые.

События 1917 г. обозначают в истории Российской церкви завершение так называемой константиновской эпохи и синодального периода. В начале нового исторического периода у церкви, хотя и ненадолго, появилась видимость возможности руководить своей жизнью независимо от государства. Открывшаяся «свобода» и последующие тяжелейшие внешние обстоятельства привели к активизации и сплочению наиболее здоровых и ответственных церковных сил, а также к качественным изменениям в самой церкви. Это стало временем, когда из церкви ушло большое количество формальных христиан. С другой стороны, множество духовно ищущих людей к церкви обратилось.

Богатое историческое наследие этого периода выявлено и изучено далеко не в полной мере. Нельзя предавать забвению труды и размышления русских богословов, архиереев и пастырей той эпохи: многие из них завершили свой жизненный путь подвигом мученичества и исповедничества. Священник Анатолий Жураковский — один из них. В судьбах таких людей, как Анатолий Жураковский, отразилась сложная и трагическая эпоха, к которой они принадлежали, в них Российская православная цер-

ковь пережила свой недолгий, жестоко оборванный ренессанс. Труд о. Анатолия — это возрождение традиции, которое прежде всего является плодом живой веры, воистину «идущей по водам». И это не возрождение «по своему плану и намерению», а воплощение воли Божией [1, с. 2].

Гимназические и академические годы

Анатолий Евгеньевич Жураковский родился 4 (17) марта 1897 г. в Москве в семье преподавателя гимназии. Семья Жураковских представляла собой распространенный тип русских интеллигентов — людей сердечных, безусловно честных, но утративших и веру, и сколько-нибудь устойчивый уклад бытовой жизни [1, с. 3]. С 1911 г. семья жила в Киеве, куда переехала в поисках климата, приемлемого для страдавшей туберкулезом матери. Специального религиозного образования Анатолий не получил, но его обращение к вере произошло рано. Когда ему было 9 лет, заболевает и умирает его младший брат Аркадий и сострадание к брату приводит Анатолия в храм. С молитвы за брата начинается религиозный переворот в жизни Анатолия, который сопровождался открытием нового для него мира. Мальчик стал ходить в церковь, вскоре у него появился взрослый друг — дьякон, который стал его первым наставником в вере. Анатолию начинает открываться жизнь для Христа. «Странное» увлечение сына церковными службами и чтением богословских книг приводило его родителей в ужас. Они даже пытались «вылечить» его от веры с помощью психиатрии. Отец, Евгений Дмитриевич, обращался за помощью к своему сослуживцу, преподавателю психологии [1, с. 4].

Но Анатолий продолжает свой путь к Богу и в Церковь, в этом проявляется цельность его натуры, и Господь дарит ему встречу с людьми, которые во многом определили интеллектуальное и духовное развитие подростка. Огромное значение в жизни Анатолия Жураковского имела встреча с профессором Василием Васильевичем Зеньковским, сослуживцем Жураковского-старшего, приват-доцентом Киевского университета и председателем Киевского религиозно-философского общества. Именно В.В. Зеньковский первым обратил внимание на талантливого юношу, достаточно одинокого в своей среде. Позднее Анатолий Жураковский познакомится еще и с Василием Ильичем Экземпляром, который производил на современников впечатление

своим исключительно высоким настроем мыслей, пламенной любовью ко Христу и незаурядным мужеством.

В 1915 г. Анатолий окончил гимназию, поступил на историко-филологический факультет Киевского университета. Письма тех лет помогают нам понять, чем их автор живет в те годы. Вот фрагмент из письма от 17 июня 1915 г.:

Главное — о Нем помнить. В сутолоке жизни, в гаме и шуме, в суете — о Нем, о Нем не забывайте; и тянуться, тянуться к Нему, и открывать душу Ему, всю целиком. Чтобы Он близко был, ближе тела, ближе всего, — в этом вся суть, это единое на потребу.

От этого печаль и холод души, что от Него отошли, о Нем забыли, ибо, как и Серафим говорил, дьявол холоден, а Он горяч, ибо кто близ Него, тот близ огня. Но все наше существо распалось, раздробилось. Мы не можем собрать себя, и даже когда хотим о Нем думать и Его чувствовать, то мысли разлетаются по сторонам и чувства далеки от Него. И мы, мы так грешны, что нам думать о Нем трудно...

<...>

На душе у меня теперь спокойно и мирно. Темная тень прошла, как туча, как буря. Душа поднялась и освежилась. Я готов опять и к борьбе, и к напастьям. Я опять радостен, безыскусственно радостен. Ведь это так радостно — чувствовать себя христианином, чувствовать, что Христос благостен к тебе, любит тебя, несмотря на всю твою нечистоту и весь твой грех. Только бы подольше была эта радость... [2, с. 31–32].

В университете за работу «Жозеф де Местр и Константин Леонтьев», руководителем которой был В.В. Зеньковский, Анатолия Жураковского награждают медалью. В этой работе автор, по-видимому, спорил и с де Местром, апологетом идеи о карающем Боге, и с «религией страха» Леонтьева. Размышление о любви Божией становится основой богословских рассуждений Анатолия [2, с. 15].

Знакомство с киевской духовно-академической средой помогло Жураковскому прикоснуться к образцам подлинной христианской жизни. Благодаря В.В. Зеньковскому и В.И. Экземплярскому он посещает заседания Религиозно-философского общества. Здесь он сближается с профессорами Киевской духовной академии: историком философии П.П. Кудрявцевым, известным литургистом М.Н. Скабаллановичем и другими. В академии преподавал известный библиист и гебраист свящ. Александр Глаголев. Общение с ним и его другом, прот. Михаилом Едлинским,

здоровое христианское настроение, царившее в их приходах, — все это, несомненно, сказалось на судьбе молодого Жураковского.

Анатолий ищет воплощения подлинной христианской жизни. В своих поисках он обращается к аскетическим трактатам, прежде всего к «Лестнице». В письме от 23 июля 1915 г. он писал:

В «Лестнице» есть масса материала, который, мне кажется, для всех. Это разбор психологический отдельных страстей и добродетелей. Мне лично эта книга помогает разобраться в себе... Глубина этой книги открывается не сразу. У меня было три периода: отход от узкого пути «Лестницы», протест против ее «холода» и «жестокости» и третий период — сознательного отношения и направления жизни по «Лестнице». Теперь для меня эта книга — закатный свет, и сквозь внешний холод пробивается для меня внутреннее тепло. Плачущий и знающий скорбь и темноту аскезы знает, по выражению «Лестницы», и «тихий смех души». Женщина, когда рождает, терпит скорбь, но по рождении забывает о скорби, потому что «родился человек в мир», так и подвижник «Лестницы» через трудные и темные дебри аскезы идет к светлым блистающим вершинам «безмолвия» или полного ощущения Бога и слияния с Иисусом. Через стремнины и провалы — к звездам [2, с. 33].

В 1916 г. Анатолий Жураковский был мобилизован и направлен на фронт в нестроевую часть — железнодорожный батальон. Идет Первая мировая война. Жураковский преподает в школе для солдат физику и математику, пишет статьи. Вокруг него — смерть, страдания, кровь. Он старается по-новому взглянуть на главные, «страшные» вещи, составляющие человеческую жизнь. Он отвергает христианство страха и пишет о христианстве всепрощения, пишет о святости церковного брака, понятого как аскетическое задание. В это время выходят его статьи «К вопросу о вечных муках» и «Тайна любви и таинство брака» [2, с. 15].

В 1917 г. состоялось венчание Анатолия с Ниной Сергеевной Боговяленской (1898–1976) в церкви Рождества Богородицы г. Киева, куда Жураковский демобилизовался по состоянию здоровья. Знакомство их произошло еще в отроческом возрасте. Нина Сергеевна училась в гимназии, где преподавал Е.Д. Жураковский, и однажды написала сочинение на тему: «Женские типы у Гончарова». В своем сочинении она сравнивала образы Марфиньки и Веры с евангельскими Марией и Марфой. Евгений Дмитриевич рассказал сыну об этом сочинении, и так молодые люди познакомились [2, с. 65]. В дальнейшем жена делила с Анатолием все тяготы существования: жизнь впроголодь и в постоянной опасности. После первого аре-

ста мужа Нина последовала за ним в Москву, отстаивала страшные многодневные очереди с передачей у Бутырской тюрьмы, потом и сама провела в советских концлагерях три года.

После падения российской монархии в марте 1917 г. церковь оказалась накануне перемен: оживление приходской жизни, литургические реформы, переустройство церковной жизни на основе философии славянофилов, — все это буквально витало в воздухе. Тогда же Жураковский писал с фронта:

У нас задача срочная, серьезная, неотложная. Это задача церковная. По-видимому, близится час, когда церковь, быть может, потеряет свою пышность, но обретет свободу. Из рабы, да будет прощено мне жесткое слово, наложницы государства, облаканной, но лишенной свободы, русская церковь делается свободной. Час... близок. И мы должны быть готовы [2, с. 60].

В Киеве Анатолий Жураковский входит в редакцию журнала «Христианская мысль», там же у него завязывается тесная дружба с архим. Спиридоном (Кисляковым), бывшим афонским монахом, а затем полковым священником. В совместных миссионерских трудах с о. Спиридоном у Анатолия окрепнет желание посвятить себя живому общению в вере с братьями и сестрами, важной частью которого является совместное богослужение.

В июле 1917 г. Жураковский пишет работу «Литургический канон теперь и прежде» [3]. Его размышления о литургии есть, по сути, размышления о сущности Церкви, о церковной истории и христианской жизни:

Евхаристия — это закваска, заложенная в тело церкви, долженствующая просветить его до конца и претворить в высшую реальность. Когда мы оцениваем наличную церковную действительность или исторический процесс в развитии христианства, мы должны прежде всего исходить в наших оценках из евхаристического догмата. И вот мы должны сказать, что догмат Евхаристии не только не выявлен до конца в церковной действительности, но даже и не осознан в полноте в церковном сознании [3, с. 59].

Однако, провозглашая центральным евхаристический принцип, Анатолий Жураковский видит, что литургическая жизнь и молитвотворчество могут возродиться не в результате реформ, а лишь «наряду с возрождением любовного единомыслия во всех частях распавшегося церковного организма», — то есть, лишь при активном участии всех верных. Он утверждает:

...Только религиозное, мистическое объединение душ и сердец не только в сфере внешних отношений, но в самых глубинах чувства и воли будет началом нашего возрождения [3, с. 61–62].

Обстановка в Киеве в то время мало благоприятствовала политическому, культурному или церковному творчеству. И дело было не только в чехарде власти и периодически вспыхивавшей гражданской войне: Киев и его окрестности были наводнены преступными шайками, участились грабежи и разбойные нападения, периодически Киев захлестывал террор. Посреди безудержного насилия Анатолий Жураковский, тем не менее, продолжает учебу на философском отделении историко-филологического факультета университета и заканчивает его в 1920 г. Нервное напряжение и физическое истощение привели к тому, что ранней весной 1920 г. Жураковский заболел тяжелой формой туберкулеза и был близок к смерти: врачи уже отказались его лечить. Удивительным образом эти тяжелые обстоятельства привели его не к уходу из жизни, а к обретению «второго дыхания». Анатолий Жураковский не только выздоровел телесно, но и «как бы случайно» принял сан священника [1, с. 51].

Священство. Рождение общины

В эти годы архим. Спиридон ходил по деревням и проповедовал Евангелие. В Красногорке, глухой деревне в Киевской губернии, крестьяне обратились к нему за помощью в устройстве храма и проведении в нем пасхальной службы. Миссионер обещал им достать необходимую для церкви утварь, но они должны были за это взять к себе больного юношу и поднять его на ноги. Крестьяне согласились, и через несколько дней архим. Спиридон привез с собой Анатолия. На свежем воздухе и хорошем питании Анатолий выздоровел. Крестьяне, успевшие его полюбить, попросили его остаться у них священником. 18 августа 1920 г. в Успенском соборе Киево-Печерской лавры состоялось его посвящение в иерея; теперь его жизнь была всецело отдана церкви.

Жураковский становится настоятелем церкви в селе Андреевка близ города Бородянка Киевской области. Уже будучи священником, приехав ненадолго в город, он неожиданно встречает своих сокурсников, и те решают проведать его в деревне, посмотреть на его новую жизнь. Потом свящ. Анатолия Жураковского

стали приглашать на беседы в студенческие группы, просили прочесть лекцию на религиозную тему. Он выступает перед студентами родного ему историко-филологического факультета Киевского университета.

В то время учащаяся молодежь в основном еще происходила из интеллигентных семей. Вскоре о замечательном и близком, «своем» священнике узнали в кругах культурной элиты Киева, к нему потянулись отчаявшиеся люди. Впоследствии киевская паства уже хлопотала о его переводе в город. И в 1922 г. митр. Михаил (Ермаков), патриарший экзарх Украины, разрешает ему служить в одной из церквей в Киеве. Отца Анатолия перевели в бывшую домовую церквушку при приюте св. Марии Магдалины на углу Никольско-Ботанической и Паньковской улиц. Сначала он служил в почти пустом храме, куда приходило несколько старушек и девочек из соседних дворов (будущие сестры общины: Аня Трофанчук, Ольга и Аня Карпеки). Некоторые «сердобольные» священники выражали Нине Жураковской лицемерное сочувствие, что они, мол, со своим мужем умрут с голоду из-за отсутствия паствы [1, с. 52].

Но очень скоро храм Марии Магдалины наполнился молящимися. Постепенно образовалась межтерриториальная община, включавшая молодежь и пожилых людей, прежде разуверившихся, отошедших от церкви, а теперь духовно возрождавшихся. Молодежь изучала богослужение, старалась войти в сердцевину церковной жизни. Профессора Духовной академии В.И. Экземплярский и П.П. Кудрявцев помогали молодым людям понимать прочитанное, учили, как должен вести себя верующий во время великого таинства. Для «младших девочек» (был такой чин в общине) матушка Нина Сергеевна организовала литературный кружок [4].

К каждому богослужению готовились, как к празднику. Отец Анатолий хотел создать общину, где Христос не был бы случайным гостем, где Ему принадлежало бы все, где все светило бы Его именем, наполнялось Его благодатью. Особенно благоговейно община готовилась к литургии. Сбывалось то, о чем Жураковский мечтал и думал в 1917 г.: рождалось надприходское братство. Братство, основанное о. Анатолием, было названо в честь св. Иоанна Златоуста, а сестричество — в честь св. Марии Магдалины. Сестричество возглавляла старшая сестра — ею была жена известного университетского профессора-математика Букреева, которая следила за деятельностью остальных сестер. Среди их

обязанностей было поддержание чистоты в храме. Братья и сестры участвовали в деятельности «стола милосердия», занимавшегося благотворительностью, сбором и распределением средств среди бедных. Несколько опытных врачей, входивших в общину, помогали больным, а юные сестры безвозмездно ухаживали за лежащими больными. Сестры становились домашними репетиторами для детей из верующих семей [1, с. 55].

Община храма св. Марии Магдалины подверглась гонениям раньше других. Меньше чем через два года церковь, как находящуюся в непосредственной близости от детского учреждения, власти закрывают. Вот слова из проповеди о. Анатолия в августе 1922 г.:

Невеселые слова должен сказать вам, дорогие братья и сестры... сегодняшнее наше богослужение, по-видимому, будет если не последним, то одним из последних: нам предстоит пережить большое испытание: наша церковь вместе со многими другими (бывшими домовыми церквями) предназначена на закрытие...хлопоты, которые предприняты нами в отношении нашего храма, до сих пор были безуспешными, и нет никаких надежд на успех. Почти наверное храм наш будет закрыт, но верим, надеемся и уповаем, что закрытие нашего храма и его разрушение, разрушение нашего алтаря будет только испытанием для нас, что наша церковь, организованная во Христе и скрепленная любовью к Нему и друг к другу, не погибнет от этого испытания [2, с. 69].

Община получает другой храм, так же домового типа, при религиозно-просветительском обществе — во имя св. Иоанна Златоуста. Это здание находилось на Большой Житомирской, 9. В день, когда община о. Анатолия переходила в храм св. Иоанна Златоуста, братчики несли на руках престол, батюшка — священные сосуды и антиминс, а сестры — иконы [4].

В 1922 г. о. Анатолий выступает на многочисленных лекциях и диспутах, например, против теософии на тему «Наука и религия», читает публичный доклад «Христос и мы» в Христианском студенческом союзе. В это же время в городе начинают активно действовать новые антицерковные течения — «обновленцы», «живоцерковники», «автокефалисты». Отец Анатолий начинает деятельную борьбу с ними: лекции, проповеди, беседы... В результате в ночь на Великий четверг 1923 г. он был арестован. Одна из духовных дочерей о. Анатолия пишет об этом (письмо от 23 марта 1923 г.): «И вот был Страстной четверг, утром разнеслась весть. Все словно надорвалось, все личное ушло. Великие дни стояли. И с тех пор он стал мучеником, а мы сиротами [2, с. 72]».

Некоторое время о. Анатолия держат в Лукьяновской тюрьме, но затем отправляют в Москву — сначала на Лубянку, потом в Бутырку. Тут он встретился с митрополитом Киевским Михаилом (Ермаковым), который давал ему разрешение на служение в церкви св. Марии Магдалины. Они сидели в одной камере и были очень дружны.

Из Бутырок о. Анатолия по постановлению Комитета НКВД по административным высылкам (от 16 мая 1923 г.) ссылают на два года в Краснококшайск (ныне Йошкар-Ола). В ссылку с ним отправляется и матушка Нина Сергеевна. Добираться надо было своим ходом; за тем, чтобы ссыльный вовремя отбыл из Москвы, следил специально приставленный агент. Из Москвы Жураковские едут поездом в Казань, но неясно, как добраться оттуда до места ссылки, где нет железной дороги. Отец Анатолий идет в Казанский Кремль, и тамошние иерархи помогают им с матушкой присоединиться к монашескому обозу, который следовал в Краснококшайск [4].

Расстояния не смогли разорвать узы общинной любви. Вот строки из переписки тех лет:

Мои дорогие, мои любимые, данные мне Господом Иисусом, соединенные с сердцем моим Его узами любви. Христос да благословит вас и да сохранит вас под кровом крыл Своей Животворящей благодати. Как благодарить всех вас за радость вашего привета, наполнившего сразу светом и теплом мое томительное уединение... Я бесконечно обрадован вестью, что община, уменьшившись в числе, не уменьшилась в силе, напротив, по письмам и сообщениям чувствую, что есть в ней живой рост. Это меня особенно радует. Если бы не было этого роста, если бы дело оканчивалось попыткой сохранить старое, я считал бы его погибшим: все, что не растет, — умирает. Это закон. Но новые попытки, новые искания свидетельствуют о подлинной живой и неугасающей жизни. Вы просите советов и указаний... Не советы хочу вам давать, но как прежде, в радостные дни нашей общей работы, хочу поделиться с вами своими думами, своими мечтами.

Наша община, все, что мы делали и делаем (пишу «делаем», а не «делаю», потому что я с вами молитвой и любовью), — все это для меня большая особая попытка по-новому, по небывалому устроить не какой-то уголок в жизни, не какое-то «дело», но устроить самую жизнь во всем многообразии ее проявлений. В этом для меня самое главное, самое значительное, личное — в этом моя мечта и моя надежда [2, с. 75–76].

В Краснококшайск чуть позже о. Анатолия был сослан и наместник Киево-Печерской лавры архим. Ермоген (Голубев).

Жураковские снимали маленькую квартирку, где сперва вдвоем, а затем вместе с архим. Ермогеном, совершали богослужения: когда было вино — литургию, когда не было — «обедницу». К ним стали приходить также некоторые ссыльные и местные священники [4]. Благодаря хлопотам киевской общины о. Анатолий был освобожден. В Киев он вернулся в декабре 1924 г., сразу после праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Между тем члены общины о. Анатолия после его ареста и закрытия в конце в 1923 г. храма св. Иоанна Златоуста перешли в церковь свт. Николая Доброго, где настоятелем был о. Александр Глаголев. Община получила в свое распоряжение маленькую церковь св. вмц. Варвары, там был стол милосердия (о. Анатолий называл его «наш столик»), куда сестры и братчики приносили деньги и продукты, распределявшиеся потом среди бедных. Возвратившийся из ссылки о. Анатолий служил то в Варварьинском храме, то в храме Николая Доброго. Так же, как когда-то в церкви св. Иоанна Златоуста, он читал по вторникам после вечернего богослужения длинные тематические проповеди: о Божьей Матери, об Иоанне Златоусте, об иконах Божьей Матери, о вере и неверии [4].

До 1927 г. — начала «штурма» церковной жизни — общине предстояло прожить еще три года и шесть лет — до 1930 г., времени разгрома. А пока в СССР происходили политические послабления в отношении церкви. Религию еще терпели, преследования инакомыслящих происходили спорадически. В 1924 г. из тюрьмы под натиском мирового общественного мнения освободили патриарха Тихона.

В эти годы начинается исповедничество о. Анатолия. Прежде всего он пастырь. Он принимает всех, кто приходит к нему как к священнослужителю. Приходили разные люди: разуверившиеся во всем, отчаявшиеся от беспросветности жизни, озлобленные, запуганные; иные, выполняя задание властей, старались его спровоцировать на «контрреволюционные высказывания», о чем стало известно шесть лет спустя, во время последнего ареста священника. Впрочем, провокаторов о. Анатолий не боялся. Его позиция предельно проста: он открыт всем и скрывать ему нечего. Свои убеждения и сокровенные мысли о. Анатолий во всеулышание оглашает на проповеди в храме [1, с. 72]. В его проповеди тех лет звучит мощный призыв к покаянию — личности, церкви, общества. Он говорит:

Одна из особенностей нашего времени заключается в том, что оно решительно разделяет на два лагеря всех людей, оно разделяет их на верующих

и на неверующих. В то время, когда еще так недавно можно было стоять как бы между этими двумя лагерями, можно было ограничиться полуверием, можно было идти путем средним, холодным, — в наши дни такого положения уже не может быть. В наше время этот третий путь закрыт и есть только два пути: один путь против Господа — с враждующими против Него и хулящими Его Святую Церковь, и другой путь — с Господом, это путь Церкви, путь полного, совершенного служения Святыне Христовой [1, с. 74].

Исповедничество

После автокефального раскола на Украине в 1921 г., после обновленческого пожара по всей России, после нескольких малых расколов, наконец, после смерти патриарха Тихона весной 1925 г. церковное управление, сам церковный строй российского православия рухнул. Наступил хаос, спровоцированный властями для уничтожения церкви. События конца 20-х годов стали отправной точкой нового острейшего кризиса в патриаршей церкви. Рубежом явилась легализация Временного патриаршего Священного синода (ВПСС) при заместителе патриаршего местоблюстителя митр. Сергии (Страгородском), потребовавшая от церкви значительных уступок властям, получивших отражение в Декларации митр. Сергия 1927 г. Декларация, означавшая отход от позиции аполитичности, привела к возникновению новой формы взаимоотношений патриаршей церкви с государством. Именно с этого времени был установлен тотальный контроль гражданских властей над внутрицерковной жизнью. Компромиссы Декларации были негативно восприняты многими священнослужителями и мирянами. Возникшее в 1927 г. движение «непоминающих» (гражданские власти и митр. Сергия) было широко распространено по стране: первоначально около сорока архиереев отказались от административного подчинения заместителю патриаршего местоблюстителя и ВПСС. Одно из центральных мест среди «непоминающих» занимала наиболее сильная «иосифлянская» группа, получившая свое название по имени руководителя, митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых). «Иосифляне» пошли по пути легальной оппозиции, и их дальнейшая судьба сложилась трагически [5, с. 3].

На Украине центрами «иосифлян» этого периода стали прежде всего Киев и Харьков. Ленинградские «иосифляне» возлагали надежды на настоятеля Киево-Печерской лавры архим. Ермогена (Голубева). Он присутствовал на первом собрании «иосифлян» в

декабре 1927 г. на квартире прот. Феодора Андреева в Ленинграде, однако присоединиться не решился, хотя также отрицательно оценивал Декларацию 1927 г. Архимандрит Ермоген и в 1928 году поддерживал отношения с о. Феодором Андреевым, еп. Марком (Новоселовым), в частности, встречался с приезжавшим в Киев ленинградским преподавателем И.М. Андреевским, но от митр. Сергия так и не отделился, оставшись до ареста 28 января 1931 г. «непоминающим» [5, с. 91].

Отец Анатолий Жураковский оказывается среди тех, кто не принимает Декларацию, он совершает отчаянный поступок — «отлагается» от своего архиерея, Киевского митрополита Михаила (Ермакова), поддержавшего митр. Сергия. Отец Анатолий сам пришел для объяснений к владыке Михаилу, с которым когда-то сидел в одной камере. Митрополит пытался уговорить «диссидента» принять позицию митр. Сергия, но тщетно. На прощание владыка Михаил сказал о. Анатолию:

И все-таки Вы мой единственный, Вы мой любимый, сын мой [1, с. 83–84].

Именно о. Анатолий, по-видимому, был автором «Ответа восстающим» — разъяснения церковной позиции в отношении Декларации митр. Сергия. Возможно, он написал и широко известное антисергианское «Киевское воззвание» 1927 года (большинство исследователей считают автором еп. Черниговского Дамаскина (Цедрика)). Воззвание подписали также священники Андрей Бойчук, Димитрий Иванов, Евгений Лукьянов, Борис Квасницкий, архим. Спиридон (Кисляков) и многие другие [5, с. 91].

Священник Александр Глаголев, приютивший общину о. Анатолия Жураковского в своей церкви св. вмч. Варвары на Подоле, относился к о. Анатолию с большой любовью, но не чувствовал себя в силах идти тем же путем. Отец Александр боялся физического уничтожения церкви и надеялся, что компромиссная церковная позиция позволит избежать этой трагедии. Поэтому он отказывает общине в помещении. Отца Анатолия вновь выручил архим. Спиридон, принявший бездомную общину в своем Преображенском храме на Павловской улице.

В распорядке общинной жизни внешне ничто не изменилось. Общинники по-прежнему совершали свое служение: работа с детьми, с больными и стариками, обездоленными [1, с. 83]. Общинная молодежь во главе с о. Анатолием совершала паломничества (в

Дивеевский, Саровский и другие монастыри), временами выезжали в пос. Ирпень близ Киева «на криничку», к явленному колодцу, чтимому местным православным населением [5, с. 92].

По вторникам после вечернего богослужения о. Анатолий читал в храме проповеди. Почти все они были застенографированы общинниками и позднее частично опубликованы. В своих проповедях и беседах о. Анатолий разъяснял положение церкви, призывал не нарушать чистоту православия. Так, 21 октября 1928 г. он говорил:

...Того, что происходит сейчас в истории церковной жизни, еще не было. Церковь лишена всякой свободы... Представители наши церковные, на обязанности которых лежало охранение верности и чистоты евангельской истины, грубо ей изменили... Мы твердо можем сказать, что мы в нашей малочисленной церкви не одиноки. Мы получили благословение архипастырское, и много епископов высказались против деятельности и угодничества высших представителей церкви. Следовательно, наша церковь является единой, преемственной, получившей благодать от Святого Духа... Все мы предстанем перед судом Единого Властителя, Повелителя, Архипастыря нашего Иисуса Христа. Мы предстанем пред Ним с единым лишь оправданием, что мы не исказили Его учения, свои преступления и грехи мы не возлагали на Него, мы не забрызгали грязью Его учение... [5, с. 91–92].

Одним из центров движения «непоминающих» (равно как и обновленческого раскола) был Ленинград. Отец Анатолий обращается за помощью к викарному епископу Ленинградской епархии Димитрию (Любимову), и в сентябре 1928 г. тот принимает о. Анатолия и его общину под свой омофор. Владыка Димитрий также не признал Декларацию митр. Сергия, его церковную власть и его Синод [1, с. 85]. Известно, что в середине октября 1928 г., когда архиеп. Димитрий был в отъезде, о. Анатолий приезжал в Ленинград и встречался с прот. Феодором Андреевым. Оказавшийся в квартире о. Феодора в то время, когда того пришли арестовывать, о. Анатолий не был замечен [5, с. 91].

Первоначально о. Анатолий Жураковский возглавил всех истинно-православных в Киеве, но постепенно у него стали возникать противоречия с о. Леонидом Рохлицем и о. Борисом Квасницким. Последний в мае 1929 г. поехал в Ленинград, якобы имея (по данным протокола допроса Квасницкого) «политические задания»: вести борьбу с советским безбожием, агитировать против комсомола, бороться с коллективизацией и машинизацией. В июне 1929 г. в

Ленинград ездил о. Андрей Бойчук. В результате архиеп. Димитрий назначил своим уполномоченным (благочинным) о. Димитрия Иванова. Но это вызвало некоторое несогласие со стороны о. Анатолия Жураковского и архим. Спиридона (Кислякова), поэтому Квасницкому и Бойчуку пришлось вновь поехать в Ленинград. На некоторое время был достигнут компромисс: принята формулировка, что о. Димитрий по мере надобности будет привлекаться к руководству всеми общинами. Архиепископ Димитрий предоставил о. Анатолию Жураковскому, о. Андрею Бойчуку, о. Леониду Рохлицу и о. Димитрию Иванову право принимать духовных лиц в общины «иосифлянской ориентации» [5, с. 94–95].

В октябре 1929 г. отношения большинства киевских иосифлян с группой о. Анатолия и архим. Спиридона вновь обострились. Причина заключалась в том, что архимандрит допускал нововведения литургического характера, служил на русском языке, ему не могли простить и якобы еретические сочинения прошлых лет. Отец Димитрий Иванов возбудил соответствующее дело перед митр. Иосифом. Хотя архим. Спиридон уже приносил в 1923 г. покаяние патриарху Тихону и был прощен, митр. Иосиф потребовал, чтобы он еще раз раскаялся перед истинно-православным архиереем и понес епитимью — временное (в течение года) прекращение служения при открытых царских вратах. Отец Анатолий Жураковский с этим не согласился и через некоторое время обратился к еп. Павлу (Кратирову), поскольку архиеп. Димитрий был уже (в ноябре 1929 г.) арестован и киевские «иосифляне» стали в 1930 г. окормляться у еп. Павла. Однако этот архиерей занял нейтральную позицию и порекомендовал выполнить требование митр. Иосифа. Архимандрит Спиридон решил ехать для объяснений к месту ссылки митрополита, но 11 сентября 1930 г. скончался от сердечного приступа [5, с. 95–96].

К 1929 г. центральный аппарат ГПУ разработал план по разгрому церковного сопротивления в СССР. Он носил название «О центре всесоюзной контрреволюционной монархической организации Истинно-Православная Церковь». По этому делу в 1930 г. прошли аресты верующих в разных городах: в Москве, Ленинграде, Киеве, Воронеже. Это был удар по самым лучшим, образованным, активным церковным деятелям; арестовывали известных епископов, священников, ревностных мирян [1, с. 87].

Покров Пресвятой Богородицы (14 октября) 1930 г. был последним днем служения о. Анатолия Жураковского. Снова последовали арест, Лукьяновка, Лубянка, Бутырка. Следствие в московских

тюрьмах длилось год, после чего был вынесен приговор: «К высшей мере наказания, расстрелу». Этот приговор о. Анатолию и еп. Димитрию Гдовскому зачитали в коридоре Бутырской тюрьмы. Они перекрестились, а через несколько секунд им сообщили, что расстрел заменен десятью годами концлагерей [4]. Начались лагерные мытарства: Свирские лагеря (с 27 декабря 1931 г.), Соловки, Кемь (7 ноября 1932 г. — ноябрь 1933 г.), Тугунда на трассе Беломорканала (май 1934 — сентябрь 1934), Надвоицы (2 октября 1934 г. — 15 июня 1937 г.), Уросозеро (с 18 июня 1937 г.) [5, с. 366].

В лагерях общение между о. Анатолием и членами его общины не прерывалось. Первая весть от о. Анатолия пришла из Свирских болот; он оказался не так далеко, как думал. Он получает письма, иногда посылки от общинников, живо отзывается на каждое их сообщение, сочувствует, ободряет, наставляет каждого, у кого случалось горе. Члены общины несколько раз приезжали к нему (в 1932 г. на Сретенье, в 1933 г. перед Рождеством). Матушке Нине Сергеевне, отбывшей после ареста в 1931 г. трехлетний срок в Мариинских лагерях под Новосибирском, удается встретиться с о. Анатолием на Соловках в 1935 г. Вместе с ней приезжала и Ольга Васильевна Михеева (она всегда представлялась сестрой о. Анатолия), уже бывавшая у Жураковского в 1933 г., когда он находился в больнице на станции Деды. С матушкой они снимали комнату, куда о. Анатолия приводили под конвоем на свидание. Чтобы Нина Сергеевна могла пробыть с отцом Анатолием подольше, Ольга Васильевна старательно угощала конвойного [4].

Без любимых сестер и братчиков о. Анатолию было очень трудно. Он признавался в письмах из лагерей, что среди множества окружавших его людей он очень одинок. Особенно горько ему было слышать вокруг ругань, мат, слышать, как попирается тайна материнства и унижается человеческое слово. От этого он чрезвычайно страдал. К этому добавлялись и многие физические тяготы. При слабом физическом здоровье о. Анатолия использовали порой на очень тяжелых работах. Так, в письме от 5 октября 1937 г. он пишет, что нужно прыгать за плавающими бревнами в мерзлую воду и сваливать их в штабеля, а после в бараке нельзя просушиться за отсутствием печки [4].

В течение 1937–1938 гг. во время «большого террора» в СССР были казнены без суда многие политические заключенные. В частности, были расстреляны почти все лидеры движения «непоминающих». Вероятно, о. Анатолий Жураковский до последнего момента не допускал мысли о казни. Летом и осенью 1937 г. он

пишет близким спокойные письма, рассказывает о своей жизни на новом месте, куда его в очередной раз перевели [1, с. 95]. В августе 1937 г. о. Анатолий писал, что собирается зимовать в лагере на Уроксе. Но 12 октября он сообщает жене о каких-то предстоящих переменах. 28 октября:

Я жив и здоров. Теперь пока что сижу без работы. Душевное состояние спокойное. Не волнуйся, если в письмах будет задержка.

10 ноября:

Не волнуйся, не беспокойся, что так редко теперь пишу. Я жив и здоров. Может быть, скоро напишу подробнее и буду писать чаще [1, с. 97].

После этого письма сообщили: «За вновь содеянное преступление осужден на 10 лет строгой изоляции без права переписки». В 1955 г. из Петрозаводской тюрьмы пришло извещение о том, что 10 октября 1939 г. «Жураковский Анатолий Евгеньевич умер от туберкулеза, осложнившегося воспалением легких». Но полученные позднее архивные документы говорят о том, что о. Анатолий был обвинен в контрреволюционной агитации и расстрелян 3 декабря 1937 г. в 1 час 15 минут «по приговору лагерной тройки» [4]. Место его погребения неизвестно.

В становлении личности Анатолия Жураковского мы видим воплощение возрождения церкви. Та истина, что всякое богословие мертво, если не основано на жизни во Христе, очень рано вдохновила его. И он любил Христа по-настоящему — без компромиссов. Именно эта любовь была сердцевиной деятельности о. Анатолия Жураковского, была в центре его богословских умозрений, она помогала распознавать соблазны времени, вела через труднейшие испытания. Отец Анатолий руководствовался одним правилом: надо идти за Христом, а все остальное приложится. И в этом секрет его силы, его твердой уверенности в правильности избранного пути. Путь к подлинному евхаристическому возрождению он видел не столько в тех или иных богослужебных реформах, сколько в созидании евхаристических братских общин.

Его молодость прилась на время великих перемен. Оказавшись на пороге нового для него мира, он и в церковной жизни, и в

своих культурных предпочтениях решительно отказывался «вертеться» вместе со всеми. Ему были присущи и аристократический консерватизм, и совершенно определенное отношение к любой лжи, к любому посягательству на дух Христовой свободы и любви в церкви. Он знал, что ложь укоренена в старой русской церковности, и понимал, что присутствует при осуществлении нового варианта союза государства и церкви. Он не мог согласиться с принципами, изложенными в Декларации 1927 г. Выбор о. Анатолия Жураковского был принципиальным: он выбрал то Царство, которое не от мира сего. В его выборе осуществилась жажда чистоты всегда и во всем, вера в непреложность обетований, данных Спасителем Своей Церкви: «Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» Таково исповедание о. Анатолия: для каждого в Церкви любовь к Христу должна определять всю жизнь, а все остальное Он, Господь, приложит [4].

Литература

1. Семененко-Басин И., Проценко П. Возрождение накануне Голгофы: Священник Анатолий Жураковский. Ркп.
2. Священник Анатолий Жураковский: Материалы к житию. Париж: YMCA-Press, 1984.
3. Жураковский А. Литургический канон теперь и прежде. М., 2005.
4. Глаголева-Пальян М.А. Священник Анатолий Жураковский. Режим доступа: http://oecumena.org/rus/mus/mus_5.htm.
5. Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999.